

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

Концертное кафе

Александр Рогинский

Концертное кафе

«ИП Стрельбицкий»

Рогинский А.

Концертное кафе / А. Рогинский — «ИП Стрельбицкий»,

Ее голос ошеломителен, гипнотизирует зрителя. Она поет о любви, заставляя познать всю глубину этого чувства. Но вот входит в кафе «Крещатик», где должен состояться концерт ее группы, окидывает привычным взглядом эстрадной звезды зал, видит молодого человека. Миг - и жизнь круто разворачивается. Что внушала другим, теперь касается ее самой. Но, оказывается, кроме силы любви, есть еще сила непокорности, вызова. Она творит любовь, а не наоборот. Но сопротивление обречено... «Концертное кафе» становится сценой, на которой разыгрываются великие страсти...

Александр Рогинский

Концертное кафе

Памятник – это память, чтобы новое поколение знало, как жили до него.

Я стою перед памятником, которого давно нет, но мне не надо напрягать воображение. Вместо паркинга, из которого выезжает шикарный «лексус», я вижу старый почтамт, опирающийся на колонны – костыли, а рядом, словно собачку, прильнувшую к ногам хозяина, «стекляшку», которую киевляне так называли потому, что она вся была из стекла.

Официально же «стекляшка» именовалась «кафе Крещатик». Днем оно работало, как пищеблок, а вечером превращалось в концертную площадку.

Вспоминая популярное заведение, вижу героев своего повествования. Только не пойму, были ли они на самом деле, или это плод моего воображения!? Склонен думать – все-таки были.

* * *

Басов сидел за своим столиком, рядом вытирала мокрой тряпкой пол уборщица, а в дверь уже входил Григорий Друскин. С Басовым они сразу нашли общий язык, Друскин, прекрасно знающий музыку и музыкальные нравы, охотно давал Басову информацию.

Не одно интервью уже появилось с ним в молодежке, в которой работал Басов.

Но вот с последним произошла неувязка. Впервые Басов не дал перед засылкой прочитать интервью, в котором речь шла о проблеме цензуры со стороны партийных и комсомольских органов.

Друскин согласился на такую постановку вопроса после последнего случая, когда райкомовский чиновник запретил выступления известного латвийского ансамбля только из – за того, что пели они на родном языке.

Друскин рассвирепел. Он организовал приезд, гостиницу, решил финансовые вопросы, а теперь получалось, что комсомольский перестраховщик перечеркивал все его труды, но главное – его имидж надежного администратора.

В интервью об этом было сказано, но Друскина срочно усадили в командировку и материал вышел без визы. И наделал немало шума. Редактора вызвали на ковер в ЦК комсомола, досталось и Басову.

А в музыкальном театре, где Друскин работал администратором, готовили хорошую баньку, ведь информация шла от него.

Друскин сразу направился к Басову.

Тяжелый камень лежал у Басова на душе. Ему дали выговор, хотя сам редактор требовал острых материалов и именно по руководству комсомола искусством. Хрущевская оттепель разогнула спины, подняла людей с колен. Но, видимо, рано начали оживлять едва пульсирующую жизнь.

Басов встал, пожал руку Друскину.

– Спасибо вы мне, конечно, не скажете, но я не мог завизировать материал, вас не было в Киеве, а снять интервью мне не дал ответственный секретарь.

– Плохо не это, – сказал Друскин, тяжело опускаясь на стул. – Плохо, что переврана фамилия директора.

– Да и это, – согласился Басов. – Но в материале все правильно, это корректура. Вас уволят?

– Возможно.

– А где же вы будете работать?

– Здесь и буду.

У Басова сжалось сердце. В большой семье Друскин был единственным кормильцем. В музыкальном театре платили не Бог весть какие деньги, но там можно было подработать на выездах в область, в том же кафе «Крещатик»...

– Я вам могу только одну вещь предложить: у меня хорошие отношения с собственным корреспондентом «Комсомолки». Против этой газеты никто и пикнуть не посмеет. И если там выйдет, конечно, заново написанный материал, то, считайте, мы победили.

– Сразу – да. А потом съедят заживо.

– Не съедят, мы будем следить за этим.

– Вы хотите, Веня, жить в состоянии войны? Я не хочу. Этих людей вы не переделаете, они функционеры, винтики в механизме, а против лома нет приема.

– Так что же, получается – жить на коленях и каждого идиота бояться?

– Получается то, что получается. Вы не Галилей, а я не Бруно. Мы люди маленькие, если нас сожгут на костре, от нас даже дыма не останется.

Мы с вами попали в переделку, клюнули на свежий ветер, теперь будем учитывать это в своей работе.

– Дуть на воду?

– Дуть на воду.

Друскин улыбнулся. Для Басова, словно солнце выглянуло. Ведь если разобраться, он, что называется, подловил Друскина на ситуации и уговорил его дать такое интервью. А сам в глубине души хотел помахать пальчиком: смотрите, мол, какой я смелый.

В редакции было такое негласное соревнование. Молодежка показывала свой задор и способность решать взрослые проблемы. Такую возможность ей давали, но до определенного момента, за которым начиналось минное поле.

С Друскиным на это минное поле Басов и полез. Взрыв прогремел, правда, еще не такой громкий. А Басов хочет его сделать слышимым на весь Союз. Огромный риск, и понятно, что на него не хочет идти Друскин. Не верит, что «этих» можно победить. И правильно не верит. Но тогда зачем все это нужно?

«Нужно, нужно, нужно», стучал молоточек в голове. Иначе ты проспишь свою жизнь.

Жизнь была спокойной и уравновешенной. Глоток свежего воздуха, залетевшего в приоткрытую, по неведению генсека, форточку, поднял со дна осознание своего человеческого достоинства, без которого человек превращается в биологическую машину с мусорным ящиком вместо головы.

Так не хотелось прожить свою исключительно нужную (как считал Басов) жизнь.

– Сделаем так, – предложил Басов. – Я свяжусь с «Комсомолкой» и договорюсь, что в материале вы будете фигурировать косвенно. Не будет вашей прямой речи, ваших мыслей, а только участие в скандале.

– Вы не поняли, – начал злиться Друскин (даже пятна пошли по лицу), – я не Дон-Кихот, а старый уставший человек. Я не люблю этих людей, я не люблю эту страну, ее строй, я многое не люблю, но люблю свою семью, жизнь и искусство. Хочу дожить, отдав силы не для взбаламучивания ила на дне, а плавая в чистой воде.

– А как же быть с остальными? – спросил удрученно Басов, прекрасно зная ответ.

– Избавьте, избавьте... – Сегодня хорошая группа будет выступать, но боюсь, что снова, особенно после вашего материала, явятся смотрящие.

– Что они могут найти в безобидной «виашной» музыке?

– Вы имеете в виду музыку вокально – инструментальных ансамблей?

– Ее самую. Комсомол их поднял на волну, хотел показать, какой он деятельный. ВИА должны были петь о нашей героической молодежи, которая успешно строит коммунизм. А «виашники» начали играть джаз.

– Это не совсем так, они все – таки поют и играют больше именно молодежные романтические произведения, а джаз... Кто знает, что это такое? Спросите у любителя джаза и он вам начнет рассказывать о «своем» джазе. Но были, конечно, и основатели, те, кто начал формировать этот стиль...

Вот комсомольцы на всех углах кричат о равенстве всех рас и народов. Но разве они не знают, что джаз родом из Африки и зазвучал в американском Нью – Орлеане, что его создателями были негры?

Эллингтон, Лансфорд, Бейси, Хендерсон – эти выдающиеся музыканты играли свинг, который так и вошел в историю джаза, как «черный свинг».

Что это значит? Мы, борцы за справедливость, отказываем угнетенным неграм в их искусстве. Смешно.

Но попробуйте это сказать вашим учредителям.

– Каким еще учредителям? – не понял Басов.

– Ведь ваша газета орган ЦК комсомола, не так ли? Вот они и учредители.

– Да это обыкновенные перестраховщики, дрожащие за свою карьеру и готовые родную мать продать из – за теплого кабинета. Они самые элементарные жандармы, лижущие задницы своим старшим наставникам коммунистам.

– Вам не страшно произносить такие слова? Хотя вы ведь так молоды... Но смелость ваша до первой серьезной стычки, вот когда они наложат на вас вето и не дадут вам заниматься любимой работой, посмотрим, что вы запоете.

– Джаз запою, – рассмеялся Басов. – Ей Богу. Когда же его петь, если не в мои годы?

– Я рад, что вы так настроены, но все – таки, Веня, будьте осторожны. Плетью обуха не перешибешь.

– Так это они плеть, а мы обух.

– Хорошо. Значит, я пошел.

Басов остался сидеть за столиком, с него еще не сошел жар спора, он чувствовал себя паровозом, набравшим скорость...

И если бы сейчас к нему подсел закосневший комсомолец, он бы ему показал...

Но последние слова Друскина охладили пыл, Басов поежился, словно стало холодно. Где правда? Почему все знают, что ложь ведет в пропасть, а продолжают лгать и бояться?

Впервые он задумался над мыслями Друскина. Ему нравился этот человек своей уравновешенностью. Он не устроил ему скандал, а ведь это была ошибка Басова – не дать материал на визирование.

Да, Друскина не было в Киеве, можно было подождать, но не терпелось.

И никакой ответственный секретарь не ставил материал в номер, а Басов настоял, чтобы его поставили, озвучив факты, против которых не смог устоять редактор.

А не устоял он перед фактом, выброшенным Басовым, как последний козырь: в Киев приезжает канадская молодежная организация, в составе которой много молодых людей из украинской диаспоры. Они обязательно будут знакомиться с прессой. Так хорошо бы им показать, что у нас тут тоже есть демократия и что мы свободно можем критиковать даже сам комсомол (пусть и низовой). И интервью с Друскиным как раз попадает в десятку.

Против этого редактор устоять не мог.

* * *

Собственный корреспондент «Комсомольской правды» Вадим Песцов жил на Большой Житомирской в доме, который в начале XX века называли «комодом».

Внешне он действительно был похож на комод с пилястрами, фризами, скульптурами и тяжелыми колоннами.

Внутри высокого и гулко-го парадного в тусклом свете виднелись на потолке потемневшие от времени фрески: что – то вроде «Похищения Европы».

Вадим встретил у порога, оглядел внимательно.

– Проходи, проходи. Я тут один, у меня бардак, вчера допоздна засиделись, приезжали ребята из Москвы, мы по Украине готовим разворот, – говорил Песцов, забрасывая валяющиеся в беспорядке вещи в глубокое кожаное кресло.

Москвичи в Киеве чувствовали себя аксакалами: их слова ловили, их знали, читали, их имена на слуху.

Провинциальная украинская пресса не могла похвастаться такими масштабами и журналистскими успехами.

В то время «Комсомолка» увлекалась «социальными очерками», в молодежке Басова решили и у себя опробовать этот жанр. Но вышло очень уж смешно, провинциально.

Не было такого класса журналистов (Москва их собирала со всего Союза, да и школа журналистская в главной столице была на высоте), ну и, конечно, все тот же комплекс неполноценности «маленького украинца».

Что тут говорить, Басов завидовал Песцову. У него были возможности, о которых можно было только мечтать. Вот если бы...

Вот отчего Басов себя чувствовал в присутствии Песцова второсортным, мало что умеющим и вынужденным в силу этого смотреть на своего коллегу снизу вверх? Но упорно боролся с этим гадким ощущением униженности.

Несколько дней назад за подписью Песцова вышел в «Комсомолке» блестяще написанный материал о молодежных кафе. Вот почему он и заинтересовался Басовым.

Они сели у небольшого электрического камина, Песцов достал трубку, начал ее набивать. Стил,ь, ничего не скажешь. И он действовал. Перед Басовым сидел благополучный, преуспевающий и имеющий власть журналист.

Басов ждал, пока Песцов раскурит шикарную трубку. Приятный аромат наполнил комнату.

– Привез друг с Кубы. Ну, так о чем мы?

– О материале, который грозит мне неприятностями, а худруку кафе «Крещатик» увольнению из театра.

– Нормальная реакция, а что ж ты хотел, чтобы чиновники вам спасибо сказали? Мне приходится частенько слышать всякие угрозы с их стороны. Ответ в таких случаях прост. Если газета написала неправду, пожалуйста, докажите: через суд или как по – другому.

И тут они скисают, потому что боятся нас. У каждого ведь рыльце в пушку.

– Наших чинуш этим не возьмешь.

– Хочешь, чтобы мы вступились за тебя? Многого хочешь, да, собственно, кто ты такой? Если я начну за всех заступаться, кто заступится за меня?

Песцов остался доволен собственной фразой и дымнул кольцом в потолок, мечтательно сопроводив его взглядом доброго хозяина.

Басова слегка передернуло. Такого приема он не ожидал. В прошлый раз Песцов сам предлагал писать на острие возможного, быть смелей, чем ты есть на самом деле. Журналистика – это бесстрашие.

Хорошо ему говорить, когда за ним Москва, связи. А тут каждый маленький чиновник может тебя живьем закопать, достаточно иметь выход на ЦК. Там разбираться не будут.

– Что, не нравится? – тонко улыбнулся Песцов. – Терпи казак, атаманом будешь. Драт,ься надо уметь. А что, собственного, такого ты страшного написал? Читал я твой очерк, ничего особенного: хвалишь «Крещатик», ругаешь все остальные забега-ловки. Так они сами знают им цену.

– Знают, конечно. Но каждый думает о себе, а я многих серьезных людей зацепил.

– Ладно, поможем, – махнул трубкой по – сталински Песцов. – Только ты меня с Друскиным сведи, чтобы он подтвердил, что все сказанное им – правда.

– Он уже не скажет, его запугали, у него большая семья. Хотя спокойно воспримет увольнение.

– Ну почему сразу увольнение? – скривился Песцов. – Это крайняя мера. Короче сделаем так. Я переговорю со своими, тема нужная, она у меня в плане стоит на втором месте, а я пойду по твоим следам, как бы вдогонку. Это хороший ход. Заодно и тебя пожурю мягко, так чтобы видели, что и ты не агнец Божий.

– Это ты умеешь, – с облегчением вздохнул Басов.

Они проговорили еще с час о будущем материале, потом о самом кафе. Басов пригласил Песцова на субботнюю премьеру – время начала выступлений ансамбля «Синкопа».

– Приду, обязательно приду, – пообещал Песцов, а то зарылся тут с этим комсомолом, бес ему в ребро.

* * *

Басов зачерпнул последнюю ложку бульона, выловив фрикадельку. На дне оставалось еще немного прозрачной золотистой жидкости, но было неудобно доедать до капли перед Татьяной, которая уже подходила со вторым блюдом.

С некоторых пор Басов стал кормиться в «Крещатике». Здесь вкусно готовили, а цены были не такими уж высокими. Друскин питался бесплатно, как администратор, он предложил и Басову оформить «пансион», но Басов не согласился.

– Не надо давать поводов, не то потом обязательно пришьют мне статью «взятка». Лучше я буду платить за себя.

Для его бюджета, правда, обед был тяжеловат, но зато это настоящая еда. Как только Друскин привел в кафе Петра Осадчего, повара из Обуховского ресторана, так сразу и клиент пошел густой толпой. Не понадобилось и рекламы, каждый рассказал своим знакомым.

Татьяна принесла свиную отбивную с косточкой, любимое блюдо Басова. Он заказывал его редко, стоила отбивная недешево, но сегодня решил побаловать себя: в кафе ему сегодня предстояло работать, следовало набраться сил.

Отобедав, Басов достал из сумки портативную машинку и пересел за угловой стол. Голоса, шаги, вздохи и разговоры... Вся эта канонада прекрасно стимулировала писание.

К двум часам Басов закончил печатать.

В это время директор кафе Виталий Павлович Оноприенко ехал обедать домой, Басов подсаживался к нему – маршрут проходил рядом с редакцией, а материал он должен был сдавать к трем часам.

Оноприенко ездил обедать домой не потому, что в кафе ему не нравилась кухня, жена заставляла. Последнее интервью с Друскиным Оноприенко прочитал с удовольствием, а когда узнал, что у Басова из – за этого материала неприятности, тут же предложил помощь.

И сейчас, едва машина тронулась, Оноприенко, повернувшись к Басову так, что был виден только его профиль, спросил:

– Штормить перестало?

В прошлом Оноприенко был капитаном сухогруза и все еще частенько разговаривал на морском диалекте.

– Только начинается, Виталий Павлович. Может даже и поураганить.

– Вот жлобы, всего боятся! И что им этот джаз дался? Ну, покрутят жопками девицы, что тут такого? Сами – то что вытворяют за высокими стенами! Ох, посмотрел бы ты, Веня, что они там вытворяют... Жлобство, мой дорогой, – продолжал Оноприенко, – есть продукт несварения желудка, когда кроме своего живота человек ничего не бачить, ясно?

В редакционном коридоре Басова встретил ответственный секретарь газеты Бондарский.

– Поздновато на работу приходишь.

Бондарский был известным иезуитом. Если он не сделал кому –нибудь пакость, день прошел зря. Такова была его установка. Еще никто не видел на его лице улыбки, не слышал доброго слова.

Свою должность он считал в газете главной, а себя профессионалом всех времен и народов. Высокомерие его иногда доводило Вениамина до желания врезать по узкой, как у лошади, и злой, как у голодного волка, физиономии.

– Я, между прочим, тебе материал в номер принес, как и обещал.

– Прошу, – галантно поклонился Бондарский, – в мой кабинет. Устроим читку.

Басов поплелся за Бондарским, зная наперед, что таких скверных материалов он еще в своей жизни не писал, что ответственный секретарь будет вынужден поставить вопрос о его профпригодности в газете.

Так он всех пугал.

Читка была мгновенной. Ожидаемого разноса не произошло. Бондарский, усевшись на угол стола, заваленного корректурой, посмотрел узкими жестяными глазами на Басова.

– У меня есть информация, что ты контактишь с «Комсомолкой», хочешь по поводу этой забегаловки, которую ты называешь «Концертным кафе», выстрелить, но теперь из более крупного калибра.

– Да, я был у Песцова, мы с ним обсуждали эту тему. Плохого ничего не вижу, газете надо защищаться от несправедливых нападок.

– Так уж несправедливых? А ну посмотри мне честно в глаза. Они ведь тебя купили в этом кафе: кормят, девочек предоставляют. Ты думаешь, мы тут сидим лохами и ничего не знаем, где наш сотрудник бывает и с кем общается? Все знаем. Рассказывай.

– Что рассказывать? – искренне изумился Вениамин.

– Как ты там устроился: и пожрать дают, и девочку под бок... Тебе не кажется, что таким образом жизни ты подсовываешь газете бомбу замедленного действия?

В этом кафе бывает черт знает кто, в том числе и наши генералы. А ты с некоторых пор личность известная, Гиляровский ты наш.

– Вот – вот, именно Гиляровский. Его работа заключалась в том, чтобы точно передать нравы и быт низов, и он не сидел в редакции, как смиренный ученик – отличник. Или с тех пор журналистика перестала быть журналистикой?

– Ты мне университетский курс не читай. Я тебе говорю о том, что в любой момент придет цидуля из ЦК о твоём моральном поведении и заодно, о чем ты вообще пишешь.

– А о чем я пишу, это интересно? – начал заводиться Басов. – Если ты имеешь в виду интервью с Друскиным, то эту тему ты мне и поручил вести на оперативке при всем честном народе. Так что свидетелей на Нюрнбергском процессе будет достаточно.

– Ишь хватил. Ладно, отнеси свой шедевр в машбюро. Лиде отдай, скажи срочно. От меня скажи, от тебя она не станет делать эту работу срочно, больно ты ее обидел.

Вениамин вышел из кабинета ответсека с гадливым чувством вины. Так оно всегда бывало, когда на тебя валили черт знает что – потом доказывай, что валил как раз тот, кто давал задание! И было такое чувство, что тобой хотели попользоваться.

А с Лидой – машинисткой вышло действительно, некрасиво. Он накричал на старушку, которую все звали Лида. Она эту фамильярность культивировала, все – таки работала в молодежной газете. И, наверное, хотела чувствовать себя по возрасту равной со всеми.

А он назвал ее старой клячей только за то, что она печатала не его материал в номер, а халтуру – какую – то переводную статью, за которую, естественно, платили наличкой.

Но потом он извинился, хотя она и бровью не повела, что в рабочее время зарабатывала.

Конечно, ей мало платят, а у нее дочь больная. А что делать Басову, когда до запуска в типографию сорок минут, а еще надо вычитать и подписать материал.

Лида никак не отреагировала на появление Басова, только переметнула папиросу из левого угла рта в правый.

Эта военного формата женщина безбожно курила. Зайти в машбюро порой было просто рискованно: там, как на советском металлургическом заводе, стоял сизый дымный туман.

Сколько раз ставили вопрос о соответствии занимаемой должности Лидии Карпенко, но все понимали: стоит ее только подтолкнуть, как она свалится на самих же подталкивателей с огромной тяжестью. Может и завалить.

Потому Лидия спокойно могла уничтожать пачками папиросы на своем рабочем месте. А уж ваше дело, как подобрать к ней ключики и получить свой напечатанный материал.

Чего нельзя было отнять у старой женщины, так это ее мастерства. Она была похожа на ту машинистку, которую великий драматург и философ Бернард Шоу, принимая на работу, спросил, с какой скоростью она печатает.

– 200 слов в минуту, – ответила машинистка.

Великий драматург почесал затылок:

– И где же я вам возьму столько слов?

Даже инквизитор Бондарский не всегда отваживался контактировать с Лидой. Она и ему могла врезать по первое число (фраза, часто употребляемая в стенах редакции, которую расшифровать не мог ни один сотрудник).

Басов громко буркнул:

– Это в номер, я буду у себя.

И исчез.

В кабинете его ждала девушка в толстых зимних чулках, хотя на дворе все еще было тепло.

– Здравствуйте! Я к вам на работу, – сказала она, садясь в кресло у стола.

Басову ничего не оставалось, как занять свое место начальника отдела.

До сих пор он работал один, хотя ему давно редактор хотел посадить стажера. Но Басов со стажерами быстро расставался, времени не было кого – то учить, объяснять прописные журналистские истины. И ему шли навстречу, Басов был ценным сотрудником.

Во всяком случае, редактор сдерживал Бондарского в желании поставив зарвавшегося умника на место.

И вот новая попытка стреножить свободу. С появлением сотрудника он должен будет работать в строго обозначенные часы – ведь теперь отвечает не только за себя, но и за отдел.

Бондарский, при всем своем профессионализме, ревниво относился к свободолюбивым личностям, которые завоевывали свою свободу работой.

– Я в редакции ни одного яйца не высижу, – не раз в глаза говорил Бондарскому Басов. Тот морщился от негодования.

– Если очень постараться, высидишь. Я всегда здесь и помогу тебе это сделать.

– Каким образом?

Такие стычки были постоянными. И когда Басову надоедало, он шел к главному редактору с заявлением об уходе.

Казимир Пшесинский мрачно созерцал Басова и начинал медленно вслух читать заявление, интонируя каждое слово так, чтобы было понятно, какую глупость написал его лучший сотрудник.

После чтения заявления Пшесинский разочарованно вздыхал и спрашивал себя:

– Выбросить, что ли, этого дурака на помойку? Но где он такую лафу найдет? В этот раз пожалею. Потом мне ноги целовать будет.

– Почему ноги? – не удержался в один из эпизодов увольнения Басов.

– А что тебе руки дать, у меня маникюр.

И действительно, руки главного редактора были в мужском маникюре.

Пшесинский, поляк по национальности, был родом из Кракова, в который он на какой – то юбилей привез чуть не всю редакцию и показал ее своей большой семье.

В этой большой семье сестра Пшесинского была знаменитой маникюршей и делала отличный мужской маникюр, входивший только в моду.

Много раз в ЦК комсомола Пшесинского высмеивали за эти «женские штучки», но поскольку крамолы в этом особенной не было, его оставили, в конце концов, в покое.

Редактор и внешне был похож немного на женщину: круглое лицо, большие карие глаза и пушистые ресницы. Но характер имел чисто мужской и подчас своей воле подчинял даже комитетчиков, не говоря уже о своем ответственном секретаре Бондарском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.